

ПРОБЛЕМНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ВЕЩЕСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

КОМИССИЯ ПО МЕТЕОРИТАМ И КОСМИЧЕСКОЙ ПЫЛИ СО АН СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ТРУДЫ, ТОМ 6.
ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО АСТРОНОМО-ГЕОДЕЗИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

ПРОБЛЕМА ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

ВЫПУСК 2



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1967

ОПРОС ОЧЕВИДЦЕВ ТУНГУССКОЙ КАТАСТРОФЫ В 1926 г.

И. М. СУСЛОВ

Первые сообщения о Тунгусской катастрофе 30 июня 1908 г. я услышал месяца через 2—3 после этого события. То были годы моей гимназической юности в г. Енисейске. Очевидцами были рабочие, старатели и арендаторы золотых приисков, находившиеся к северо-востоку от г. Енисейска, в тайге за 250—300 км; ангарские крестьяне и рыбаки. С помощью преподавателя гимназии Р. А. Френкеля я пытался определить приблизительное географическое положение центра падения (или взрыва) метеорита и выявить возможные пути проникновения в этот район.

В 1912 г. я окончил гимназию и уехал из Енисейска. Исследования показаний очевидцев пришлось прекратить. Но в 1924—1925 гг. я возобновил эту работу в селах реки Ангара и частично на факториях Подкаменной Тунгуски, где мне, как председателю Красноярского Комитета содействия народам Севера, пришлось бывать в зимнее время для подготовки выборов первых органов Советской власти в Эвенкии — Родовых советов и Родовых судов. Для организации и проведения Мунняка (собрания избирателей) я выехал в марте 1926 г. на р. Чуню.

Недалеко от фактории Ванавара я встретил чум эвенка Ильи Потоповича (Лючеткана), в семье которого жила вдова его брата Ивана — Акулина. В июне 1908 г. их чум стоял на устье р. Дилишмо при впадении ее в р. Хушма. Акулина так рассказала об этом событии:

— В чуме нас было трое — я с мужем моим Иваном и старик Василий, сын Охчена. Вдруг кто-то сильно толкнул наш чум. Я испугалась, закричала, разбудила Ивана, мы стали вылезать из спального мешка. Видим, вылезает и Василий. Не успели мы с Иваном вылезти и встать на ноги, как кто-то опять сильно толкнул наш чум и мы упали на землю. Свалился на нас и старик Василий, будто его кто-то бросил. Кругом был слышен шум, кто-то гремел и стучал в эллюн (замшевая крышка чума). Вдруг стало очень светло, на нас светило яркое солнце, дул сильный ветер. Потом кто-то сильно стрелял, как будто зимой лед лопнул на Катанге, и сразу налетел Учир-плясун, схватил эллюн, закрутил, завертел и утащил куда-то. Остался только дюкча (остов чума из 30 шестов). Я испугалась совсем и стала бучо (потеряла сознание), вижу пляшет учир (смерч). Я закричала и сразу живой опять стала (очнулась).

Учир свалил на меня дюкча и ушиб шестом ногу. Вылезла я из под шестов и заплакала: сундучок с посудой выброшен из чума и он валяется далеко, раскрыт и многие чашки разбиты. Смотрю я на лес наш и не ви-

жу его. Многие лесины стоят без сучьев, без листьев. Много-много лесин на земле лежит. На земле горят сухие лесины, сучья, олений мох. Смотрю, какая-то одежда горит, подошла и вижу наше заячье одеяло и наш меховой мешок, в котором мы с Иваном спали.

Пошла я искать Ивана и старика. Смотрю, на сучке голой лиственницы что-то висит. Подошла, протянула палку и сняла. Это была наша пушнина, которая раньше висела привязанной к шестам чума. Лисьи шкурки обгорели, горноста́й стал желтоватым и грязным, в саже. Многие шкурки белок сморщились и пересохли.

Взяла я пушнину, заплакала и пошла искать мужиков своих. А на земле сушняк все горит и горит, олений мох горит, дым кругом.

Вдруг слышу кто-то тихо стонет. Побежала я на голос и увидела Ивана. Лежал он на земле между сучьев большой лесины. Рука его сломалась на бревне, кость прорвала рубашку и торчала, на ней засохла кровь. Тут я упала и опять стала бучо. Но скоро опять живая стала. Иван «проснулся», громче стонать стал и плакать.

Учир бросил Ивана близко. Если поставить рядом десять чумов, то он упал за последним чумом, совсем близко от того места, где я сняла с сучка пушнину*).

Обнял меня Иван за шею здоровой рукой, я подняла его и мы пошли на Дилюшму к нашему чуму, где в лабазе были две шкуры сохатых, мешок муки и сети. Чум стоял на берегу Дилюшмы, лабаз был близко от чума на закат солнца. Вдруг послышалось, будто кто-то кричит. И тут мы увидели нашего Василия. Он залез под корень упавшей старой лиственницы и спрятался там. Вылез Василий из своей берлоги и пошел с нами к нашему чуму. Я устала, передала Ивана старику, а сама понесла только обгорелые шкурки.

Идти стало еще тяжелее: очень много было сваленных лесин. Вдруг мы увидели на земле рубленые бревна и под ними сохатинные шкурки. Шерсть на шкурах обгорела, кожа сморщилась и подгорела. Вместо сетей мы увидели кучку камешков — грузила. Сети из конского волоса сгорели. Бревна сгорели, стали головешками. Вместо мешка муки — черный камень. Ткнула я в него палкой и камень-уголь разломался. В середине его я нашла немного муки и завернула в рубашку Василия. Так погиб наш лабаз. Отдохнули мы немного и пошли искать наш чум.

Вот и место, где был наш чум. Шесты лежат на земле, на них упала большая лиственница, она сильно обгорела. Разрубила я ее топором и оттащила в сторону. Под ней мы нашли наш медный котел, в котором было много вчерашнего мяса.

Наступила светлая летняя ночь. Пожар стал уменьшаться, вместо жары стало холодно. Решили мы двигаться на Катангу. Когда мы вышли на речку Чамбу, то были уже совсем слабыми. Кругом мы видели диво, страшное диво. Лес-то был не наш. Я никогда не видела такого леса. Чужой он какой-то. У нас тут был густой лес, темный лес, старый лес. А теперь во многих местах совсем не было леса. На горах все лесины лежали, и было светло, и далеко все видно. А под горами в болотах идти нельзя было: которые лесины стояли, которые лежали, которые наклонились, которые друг на друга упали. Многие лесины обгорели, сушняк и мох еще горели и дымились. Выйдя на Катангу, мы встретили Лючеткана.

Рассказ Акулины я передал в сокращенном виде, опуская подробности, не имеющие непосредственного отношения к данным о Тунгусской катастрофе.

Из фактории Ванавара я отправился на Стрелку Чуни. Там я встретился с братьями Чучанча и Чекарен из рода Шанягирь.

*) Диаметр чума около 4 м, следовательно Ивана отбросило метров на 40 (Авт.).

В момент катастрофы 1908 г. их чум стоял рядом с чумом отца в среднем течении реки Аваркитты. Оба брата оказались интересными и толковыми собеседниками и рассказчиками. Они сносно говорили по-русски, на специфическом ангаро-тунгусском жаргоне. По существу Чучанча повторил то же, что рассказала Акулина, но по моей просьбе он постарался припомнить сколько было громовых ударов — «агдыллян» и какой они были силы. По его словам, он насчитал пять ударов.

Наш чум тогда стоял на берегу Аваркитты. Перед восходом солнца мы с Чекаренем пришли с реки Дилиюшма, там мы гостевали у Ивана и Акулины. Мы крепко уснули. Вдруг проснулись сразу оба: — кто-то нас толкал. Услышали мы свист и почуяли сильный ветер. Чекарен еще крикнул мне: «Слышишь, как много гоголей летает или крохалей?». Мы были ведь еще в чуме и нам не видно было, что делается в лесу. Вдруг меня кто-то опять толкнул, да так сильно, что я ударился головой о чумовой шест и упал потом на горячие угли в очаге. Я испугался. Чекарен тоже испугался, схватился за шест. Мы стали кричать отца, мать, брата, но никто не отвечал. За чумом был какой-то шум, слышно было, как лесины падали. Вылезли мы с Чекаренем из мешков и уже хотели выскочить из чума, но вдруг очень сильно ударил гром. Это был первый удар. Земля стала дергаться и качаться, сильный ветер ударил в наш чум и повалил его. Меня крепко придавило шестами, но голова моя не была покрыта, потому что эллюн задрался. Тут я увидел страшное диво: лесины падают, хвоя на них горит, сушняк на земле горит, мох олений горит. Дым кругом, глазам больно, жарко, очень жарко, сгореть можно.

Вдруг над горой, где уже упал лес, стало сильно светло, и, как бы тебе сказать, будто второе солнце появилось, русские сказали бы вдруг нежданно блеснуло, глазам больно стало и я даже закрыл их. Похоже было на то, что русские называют — молния. И сразу же был агдыллян, сильный гром. Это был второй удар. Утро было солнечное, туч не было, наше солнце светило ярко, как всегда, а тут появилось второе солнце!

С трудом мы с Чекаренем вылезли из-под шестов и эллюна. После этого мы увидели, будто вверх, но уже на другом месте, опять сверкнуло и сделался сильный гром. Это был третий удар. Налетел на нас ветер, с ног сбил, о поваленную лесину ударил.

Следили мы за падающими деревьями, видели, как ломались вершины их, на пожар смотрели. Вдруг Чекарен закричал: «Смотри вверх» и показал рукой. Посмотрел я туда и опять увидел молнию, блеснула она и опять ударила, агдыллян сделала. Но стук был маленько меньше, чем раньше. Это был четвертый удар, как обычный гром.

Теперь я хорошо вспомнил, что был еще один удар, пятый, но он был маленький и где-то далеко.

— А в какой стороне вы слышали этот последний, пятый гром? — спросил я братьев.

— Там, где солнце спит ночью, однако — то там где Таймура — река есть, — ответил Чучанча.

Я сделал попытку количественно оценить промежуток времени между первым и вторым ударами. Это можно было сделать только путем сравнения с каким-то обычным и понятным для эвенков-охотников отрезком времени.

Я решил использовать эффект эхо. За несколько дней до этого я производил маршрутную съемку окрестностей Стрелки р. Чуни. Один из маршрутов был по реке Чунку-кан Северная, где неподалеку от Стрелки была расположена скала. Я привел братьев Шанягирь на обрыв скалы «Сырка», с которой открывался вид на место слияния двух рек Чунку-кан в одну — Чуню и на скалу. Расстояние между скалами составляет 1020 м.

— Вот смотрите туда, — сказал я братьям. Тебя, Степан Иванович, я попрошу выстрелить дуплетом в сторону той скалы на Чунку-кан. Сначала мы слышали выстрел, что будет как бы первый удар грома, а затем эхо — это будет второй удар. А вы замечайте — длинный или короткий был промежуток между выстрелами и эхо.

Мы спустились к воде. Чучанча и Чекарен стреляли несколько раз по очереди, а я замечал время. Эхо, как и должно быть, появлялось через 6 сек. А братья оба заявили, что именно такой, «самый такой» промежуток времени и был между первым и вторым ударами грома.

Перед закрытием Мунняка я обратился ко всем избирателям с целью проверить факты, сообщенные Акулиной, стариком Василием и братьями Чучанчи и Чекареном и, кроме того, получить новые сведения. Сделать это было затруднительно, так как я знал, что эвенки объясняют катастрофу 1908 года местью шамана Маганкана, осуществленной стаей железных птиц агды. Опровергать такое представление тогда было совершенно безнадежным делом, тем более, что присутствовавший на Мунняке старик Василий из рода Шанягирь, по убеждению эвенков, «сам видел» этих птиц, «видел, как они гремели, шумели, ударяли громко».

Поэтому необходимо было искать какой-то обходной путь для вызова избирателей на разговор, который привел бы к нарушению религиозного «табу». Я обратился к делегатам с просьбой рассказать подробнее, кто пострадал от катастрофы, где начинается и кончается вывал леса, видел ли кто-нибудь из присутствующих ямы в земле, которых до падения метеорита не было.

Между сидящими на поляне эвенками начались оживленные разговоры и даже какой-то крупный спор, потом стал говорить старик Улькиго — сын Люрбумана из рода Шанягирь. Старому Улькиго было, говорят, восемьдесят лет.

— Чум моего отца Люрбумана стоял на берегу реки Чамба, недалеко от ее устья. В чуме жили отец мой, я с женой и четверо наших детей. Вдруг рано утром собаки завывали, дети заплакали. Жена, я и старик проснулись и диво увидели, слушать стали: кто-то стал стучать в землю под нами, качать чум. Выскочил я из мешка и одеваться стал, вдруг кто-то сильно толкнул землю. Я упал и закричал, ребята закричали, заплакали, выскочили из спальных мешков. Маленько ранее кто-то шибко стрелял из ружей. Старик Люрбуман говорил, однако-то у ручья Чургима скала упала. Вдруг опять кто-то будто в землю ударил, стукнул шибко, в чуме с шеста медный чайник упал и кто-то ангарский гром сделал*). Оделся я скоро и выбежал из чума. Утро было солнечное, безоблачное, жарко! Стал смотреть я вверх, на гору Лакуру. Вдруг на небе шибко сверкнуло и ударил гром. Я испугался и упал. Гляжу, ветер лесины роняет, на земле огонь сушняк палит. Слышу, шум где-то. Вскочил я на ноги, вижу, бегут к Катанге два сохатых с теленком и два оленя. Страшно стало, пошел я к своему чуму. В это время налетел Учир, схватил эллюн и бросил к речке, остался только дюкча. Около него сидели на поваленной лесине мой старик, жена моя и челядишки (ребятишки).

Смотрим мы в ту сторону, где солнце спит (т. е. на север). Там диво какое-то делается, кто-то там опять будто стучит. В стороне речки Кимчу — дым большой, тайга горит, жар оттуда идет сильный. Вдруг где-то далеко, далеко, где речка Чунку-кан, в той стороне опять гром сильно стукнул и там поднялся дым.

Пошел я посмотреть ту сторону, откуда звери бежали и жар шел. Там увидел я страшное диво. Тайга вся упала, много лесин на земле горело, трава сухая, сухие сучки горели, листья на лесу все засохли. Было

*) Эвенки называют гром — «агды», а ангарцы — «гром», т. е. удар грома, именно удар (Авт.).

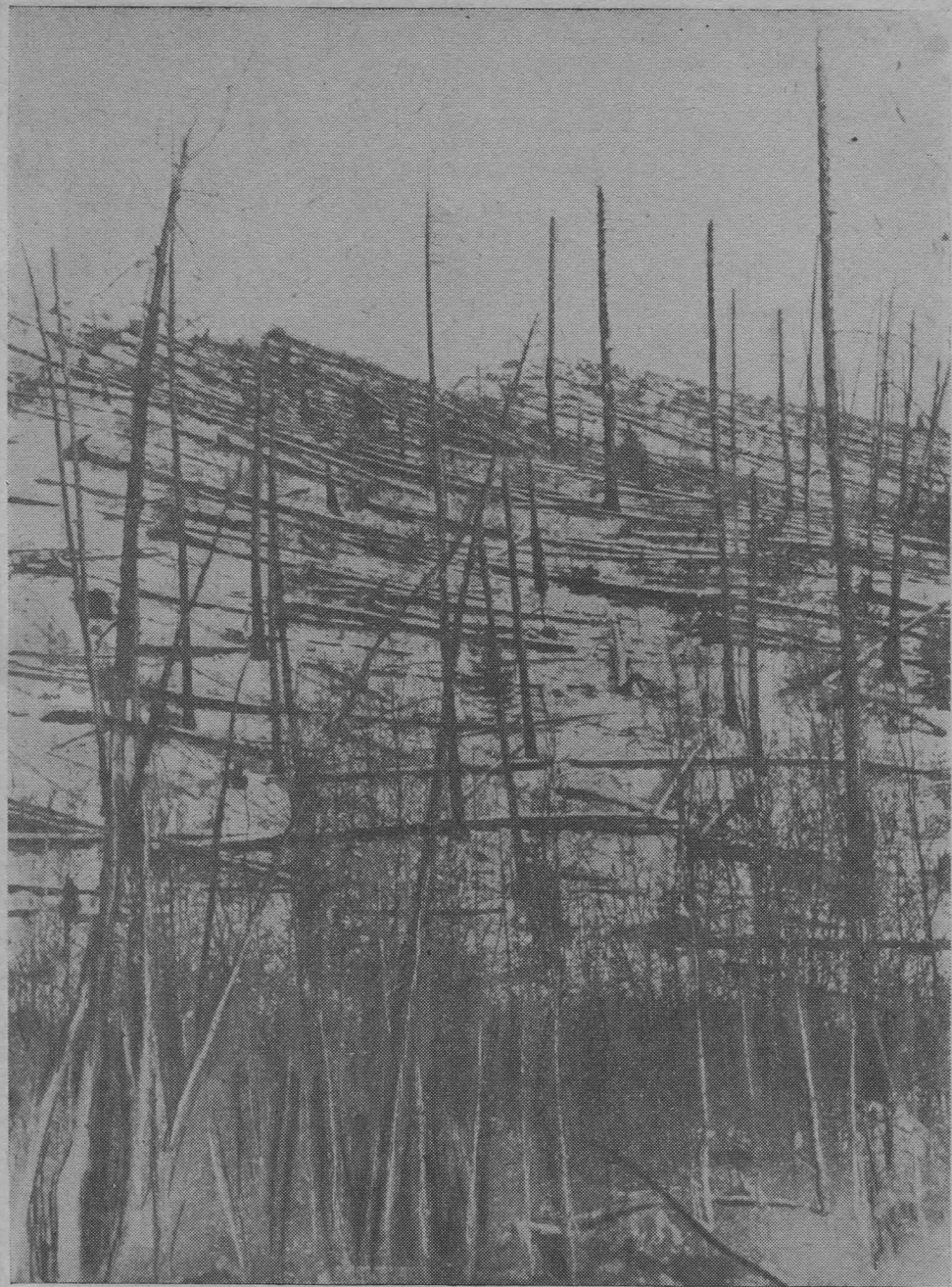


Рис. 1. Направленный повал леса в долине р. Чургим. Фотография сделана в октябре 1928 г.



Рис. 2. Стоячий мертвый лес в долине р. Чургим. Фотография сделана в октябре 1928 г.



Рис. 3. Живая лиственница, уцелевшая в центре района катастрофы. Октябрь 1928 г.

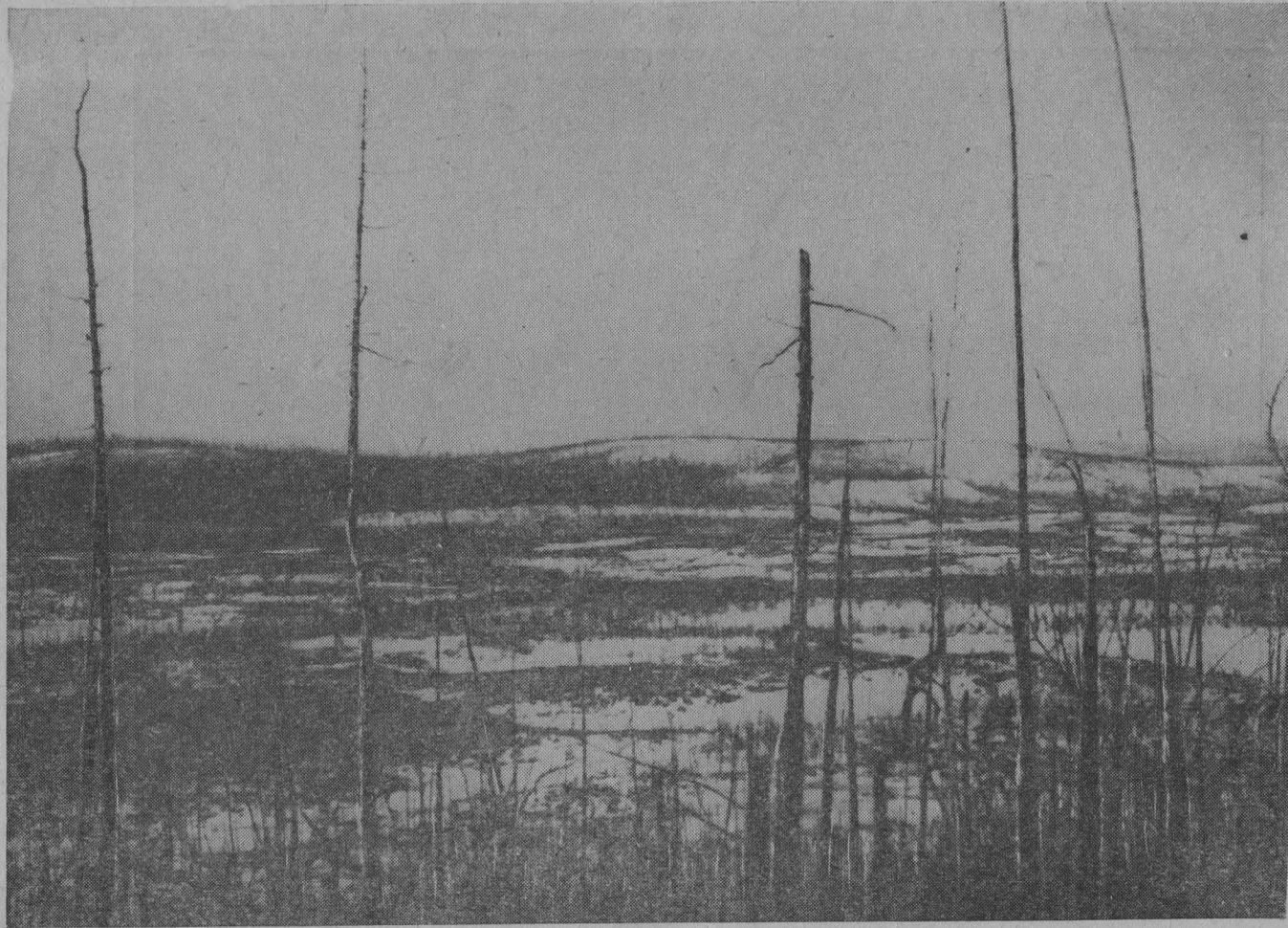


Рис. 4. Вид на Южное болото с г. Стойкович. Октябрь 1928 года.



Рис. 5. Направленный повал леса и мертвые «столбы» на южном склоне г. Стойкович.
Октябрь 1928 года.

очень жарко, много дыма, глаза выедал дым, совсем смотреть нельзя было. Совсем испугался я и побежал назад к Чамбе, к нашему чуму. Рассказал я отцу все, что видел, он испугался и умер. В тот же день мы его похоронили по нашей тунгусской вере.

Многие другие эвенки, присутствовавшие на Муньяке, говорили примерно следующее: «Птицы агды стучали много раз, сильно стучали. Агдыллян*) стучал, ангарский гром удары делал, таньга — пять ударов делал. Пактырун — стрелял будто. Палил лес, лесины валил однако-то Учир. Эллюн Акулины совсем утащил куда-то, эллюн чума Улькиго на реку кинул. Одын**) дюкча валил, белку Акулины кончал. Кончал, палил, валил лабазы. Кончали агды оленей, собак кончали, людей портили — три люди помирал совсем: Люрбуман, Иван Мачакугерь, брат Лючеткана, руку крошил и помер, шаман Уйбан сразу бучо, помер на Лакуре».

Последовали потом и персональные заявления.

Андрей Онкоуль: «Оленей искал я между речкой Лакурой и речкой Кимчу. Там видел яму и от нее сухую речку. Это — гора Лакура. До «кручины» там не было этой ямы, не было и «сухой речки» (борозды).

Молок Куркагырь: «Полдня нюльги (половина дневного перехода летом на вьючных оленях) от реки Чунку-кан на полдень (т. е. на юг) тоже шибко тайгу ронял, яму большую делал. Лесины там на земле лежат вершинами к Ербогачену. Раньше, до «кручины», там не было ямы, лес был густой, белки много было».

Лючеткан: «На горе, на хребте Лакуре, около того места, откуда течет ручей, а затем речка Маркитта, Акулина тоже видела «сухую речку» (борозду). В конце этой речки была большая яма, заваленная землей. Поваленных лесин там много было.

Вот те основные сведения очевидцев очевидцев-эвенков, часть которых перенесла ужас катастрофы 1908 г.

Собранные факты частично были изложены мной в статье, опубликованной в № 1 журнала «Мироведение» за 1927 г. Но еще до опубликования статью переслали Л. А. Кулику, который воспользовался ей, статья-ми С. В. Обручева и А. В. Вознесенского при подготовке своей первой экспедиции.

В 1926 г. и несколько позднее Л. А. Кулик и я не раз анализировали рассказы очевидцев о «нескольких ударах грома», о «вспышках, сверкнувших где-то высоко», допускали вероятность взрыва метеорита в атмосфере и выпадания его на землю в виде нескольких глыб. Л. А. Кулик настолько был убежден в обоснованности этой своей гипотезы, что круглые озера разных диаметров, расположенные в Великом болоте (название дано Л. А. Куликом) внутри цирка Мерилля, он принял в 1927 году за кратеры, образованные крупными осколками метеорита. Лишь в 30-х годах он согласился, в конце концов, с тем, что бугристость болот в цирке Мерилля и «воронки» образованы обычными процессами термокаста в субарктической зоне вечной мерзлоты.

Вероятно, в связи с этим обстоятельством сообщения очевидцев о нескольких взрывах перестали привлекать к себе внимание исследователей.

Сейчас, когда большая группа исследователей занимается детальным изучением проблемы тунгусской катастрофы 1908 г., мне кажется небезынтересным опубликовать более подробное изложение рассказов очевидцев, чем это было сделано в статье 1927 г.

*) Гром (Авт.).

**) Одын — буря, шквал — по эвенкийской демонологии представляется в образе многоголового чудовища без глаз с огромными ртами без хвоста.